DOI: 10.17976/jpps/2022.01.12

КОНКУРЕНЦИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В XXI ВЕКЕ: РОССИЙСКИЕ ПОДХОДЫ И РОССИЙСКИЙ ДИСКУРС

К.П. Боришполец

БОРИШПОЛЕЦ Ксения Петровна, кандидат политических наук, профессор кафедры мировых политических процессов, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России, Москва, email: kpmgimo@gmail.com

Боришполец К.П. 2022. Конкуренция великих держав в XXI веке: российские подходы и российский дискурс. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 150-165. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.12

Материал подготовлен в рамках гранта ИМИ МГИМО № 1921-01-07 по направлению "Анализ и прогнозирование эволюции международных отношений в контексте смены технологического уклада".

Статья поступила в редакцию: 10.11.2020. Принята к публикации: 28.07.2021

Аннотация. Современный мир представляет собой чрезвычайно тревожную картину. На фоне усилившейся активности сторонников однополярной гегемонии существует вероятность полной утраты достижений постбиполярного международного сотрудничества. Возобновляются застарелые конфликты в стратегически важных регионах глобального пространства и на его периферии. Но самую серьезную озабоченность вызывает все более жесткий антироссийский курс во внешней политике США и стран НАТО, эскалация антироссийских санкций, попытки усилить напряженность по периметру российских границ. В то же время в годы, предшествующие беспрецедентному ухудшению отношений ведущих стран Запада с Россией, российская сторона неизменно демонстрировала стремление к конструктивному диалогу, заинтересованность в выстраивании сотрудничества с лидерами мирового сообщества. Настрой на кооперативное поведение России на международной арене подтверждается анализом представлений российских специалистов о конкуренции великих держав конца второго десятилетия XXI в., которой посвящена статья. Автор исходит из того, что эта конкуренция в большей степени соответствует проблематике международных отношений, чем стратегическим исследованиям, и что она развивается в условиях переходного состояния международной среды, когда особая роль великих держав нередко воспринимается как анахронизм. На основе официальных документов и академических публикаций формулируется ряд авторских заключений относительно осмысления российской стороной приоритетов великих держав в области глобальной безопасности, урегулирования вооруженных конфликтов, политики на пространстве СНГ и в Арктике, перспектив взаимодействия США и КНР в двустороннем и региональном форматах. Значительное внимание уделено также взглядам российских специалистов на противоречия регулирования мирового порядка на этапе после 2020 г.

Ключевые слова: мировая политика, великие державы, международное сотрудничество, международная конкуренция, мировой порядок.

МНОГОЛИКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Международные отношения предполагают активное взаимодействие великих держав на мировой арене. Характер этого взаимодействия столь разнообразен, что нередко разделительные грани между соперничеством и сотрудничеством удается определить только очень опытным экспертам.

Но помимо компетенций важную роль играет и субъективное восприятие реальных событий различными специалистами, их принадлежность к сторонникам политического реализма или, напротив, политического либерализма. Определенные преимущества в осмыслении вариативных форматов поведения великих держав на международной арене предоставляет обращение к термину "конкуренция", который в концептуальном плане восходит к теоретическим взглядам К. Боулдинга, Л. Козера и Р. Дарендорфа и распространен в политическом дискурсе [Boulding 1963; Coser 1956; Dahrendorf 1959]. Его использование позволяет избегать экстремально негативных или позитивных оценок наблюдаемых явлений, сопряжения реалий с однозначными характеристиками войны и мира начала XXI в. В целом конкуренция на международной арене может пониматься как борьба акторов за реализацию важных целей, что предполагает противостояние для завоевания или удержания превосходства. Но если варианты англоязычных синонимов подразумевают установление в этом случае господства[1] как ориентира внешней политики, то толкование термина "конкуренция" в русскоязычных публикациях демонстрирует бо́льшую вариативность, указывая не только на соперничество, но и на такие его аспекты, как состязание и соревнование [Стратегии союзничества... 2021], что представляется более органичным для отражения диалектики мирополитических тенденций постбиполярного периода.

Исходя из англоязычных научных публикаций, обращение к анализу современной конкуренции великих держав должно учитывать несколько концептуальных моментов. Во-первых, то, что по своим содержательным признакам она в большей степени соответствует проблематике международных отношений, чем стратегическим исследованиям, т.е. исследованиям сугубо "жесткосиловой" направленности [Snyder 2008]. Во-вторых, в начале XXI в. конкуренция развивается в условиях переходного состояния международной среды, когда роль великих держав нередко рассматривается как анахронизм. В-третьих, утверждение полицентричности является более вероятным сценарием развития конкуренции лидеров мирового сообщества [Bisley 2008].

Методология исследования строится на применении логико-описательного подхода, позволяющего проведение анализа, синтеза, индукции и дедукции в отношении профильного эмпирического материала; используются сравнительный анализ для сопоставления информации с аналитическими категориями, элементы контент-анализа и системного подхода для оценки представлений ведущих российских исследователей о соотношении конкурентных/конфликтных и кооперативных типов политических стратегий ведущих мировых держав на международной арене.

Проблемный вопрос статьи звучит следующим образом: является ли по оценкам российских исследователей современная конкуренция великих держав преддверием глобального военного конфликта или отражает иное видение перспектив мирового развития?

В отечественных и зарубежных публикациях, аналитических материалах действия великих держав как сочетание жестких форматов внешнеполитических программ с демонстрацией заинтересованности в достижении выгодных

[1] Competition. Oxford dictionary online. https://www.lexico.com/definition/competition; Nexon D.H. Against Great Power Competition. *Foreign Affairs*. 15.02.2021. https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-15/against-great-power-competition (accessed 02.12.2021).

для себя компромиссов представлены фрагментарно. Кроме того, новизну представляет сопоставление и обобщение типологических характеристик оценок российских исследователей процессов переформатирования постбиполярной мировой политики и их особенностей.

В предметном поле научного исследования присутствует значительный спектр материалов (2014-2021) в журналах[2], а также в сборниках научных трудов и монографий, посвященных различным аспектам взаимодействия ведущих мировых держав на мировой арене. Знаковые публикации принадлежат А. Арбатову, В. Барановскому, В. Батюку, А. Братерскому, А. Богданову, А. Байкову, Н. Бубновой, Д. Графову, А. Громыко, Д. Данилину, В. Журавлевой, С. Караганову, А. Кортунову, А. Кузнецову, В. Козину, М. Лебедевой, В. Лукину, Ф. Лукьянову, А. Подберезкину, И. Сафранчуку, Н. Силаеву, А. Сушенцову, И. Тимофееву, А. Торкунову, А. Фененко, Т. Шаклеиной. Интерес представляют также публикации зарубежных специалистов. Вместе с тем, хотя разработки посвящены важнейшим международным реалиям, задачи широкой систематизации трендов отечественного дискурса в большинстве случаев не ставятся. Аналитические заключения относительно особенностей взглядов российской научной элиты на процессы переформатирования постбиполярной мировой политики ориентируют на усиление внимания к вопросам прогнозирования вероятностных изменений международной среды.

МИРОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ОТРАЖЕНИИ РОССИЙСКОГО ДИСКУРСА

Российские подходы к осмыслению процессов на международной арене и особенностей политики великих держав формируются как в рамках официальных документов, так и в контексте публикаций академического и экспертного профиля. Обе группы материалов отмечены сопряженностью смыслов, но если официальные российские подходы, зафиксированные в Концепции внешней политики РФ 2016 г.[3], ежегодных президентских посланиях Федеральному Собранию, постоянно находятся в поле зрения аналитиков, то академический дискурс изучается более ситуативно. Выстраивая общую картину этого дискурса, целесообразно назвать несколько генерализованных характеристик взглядов российских исследователей на современные мирополитические трансформации.

Нестабильное, а на ряде направлений – чрезвычайно нестабильное состояние международной среды. Спустя три десятилетия после окончания холодной войны вопросы о том, какова архитектура постбиполярного мирового порядка, каким образом обеспечена международная безопасность и другие условия, необходимые для устойчивого развития человечества, по-прежнему не имеют однозначного ответа. Однако абсолютно очевидно, что мирополитическая ситуация, сложившаяся на рубеже XX и XXI вв., кардинально изменилась. Еще более существенно она отличается от прогнозов Ф. Фукуямы и С. Хантингтона, которые в начале 1990-х годов рассматривались как ав-

[2] “Международные процессы”, “Россия в глобальной политике”, “Мировая экономика и международные отношения”, “США и Канада: экономика, политика, культура” и ряд других.

[3] *Концепция внешней политики Российской Федерации*. https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (accessed 02.12.2021).

торитетные концепты вероятного будущего. Процесс переформатирования мировой политики не завершен; его особенностями на этапе 2019-2022 гг. являются следующие характеристики.

Во-первых, высокий уровень конфронтации в политике развитых индустриальных стран по отношению к России. Политика санкций, характер информационных потоков, локальные демонстрации военной силы резко усилили степень взаимного недоверия по линии "Россия – Запад" и привели к ситуации, типичной для периода блокового противостояния[4] [Барабанов 2014; Богданов 2014; Балуев 2014; Охотский 2016; Журавлева 2017]. Во многих публикациях 2019-2020 гг. проводились аналогии с периодом биполярности[5] [Худолей 2020 и др.], однако современный формат мировой политики лишь отчасти определяется соотношением сил между американским и российским "полюсами". В истекшем десятилетии сформировался мощный восточный вектор развития мирового сообщества, утвердился глобальный статус КНР. Главным вопросом текущих изменений является неспособность США обеспечить стабильность (безопасность) международной системы без реального консенсуса всех мировых держав.

Во-вторых, сохраняется и даже нарастает турбулентность в периферийных регионах мира. Нестабильность, хотя и в различных форматах, усиливается на всех направлениях, но главным вектором ее эскалации выступает Ближний Восток. Напряженная ситуация в периферийных регионах мира характеризуется устойчивой тенденцией к сокращению политических ресурсов по ее блокировке[6] [Лукьянов 2019; Сушенцов, Силаев 2017].

В-третьих, происходит реструктуризация разделительных линий между сферами влияния (политического и экономического) ведущих центров постбиполярного мира. С одной стороны, продолжаются попытки США, ЕС и НАТО лишить Россию дружественного регионального окружения, а с другой – трендом последних пятнадцати лет стало укрепление глобальных позиций КНР[7] и активизация российско-китайского сотрудничества на основных стратегических направлениях. Одновременно последовательно увеличивается китайское экономическое и политическое присутствие в Африке и Латинской Америке, на пространстве СНГ, а также китайские структуры закрепляются на рынках ЕС и США, китайское лидерство формируется в зоне АТР. Отмечается заметное укрепление региональных и трансрегиональных позиций Индии.

[4] Морозов В. Обзор международной санкционной политики (сентябрь 2019). *РСМД*. 01.10.2019. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sanctions/obzor-mezhdunarodnoy-sanktsionnoy-politiki-sentyabr-2019/ (accessed 02.12.2021).

[5] Громыко А. Об иллюзиях новой биполярности. *РСМД*. 05.05.2020. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-illyuziyakh-novoy-bipolyarnosti/ (accessed 02.12.2021); Тимофеев И. Выборочная" биполярность? *РСМД*. 14.10.2020. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vyborochnaya-bipolyarnost-ot-koalitsii-voyny-k-koalitsii-sanktsiy/ (accessed 02.12.2021); Кортунов А. Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка. *РСМД*. 05.04.2019. https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/mezhdu-politsentrizmom-i-bipolyarnostyu-o-rossiyskikh-narrativakh-evolyutsii-miroporyadka/ (accessed 02.12.2021).

[6] Тимофеев И. Новая анархия? Сценарии динамики мирового порядка. *РСМД*. 02.08.2019. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-anarkhiya-stsenarii-dinamiki-mirovogo-poryadka/ (accessed 02.12.2021).

[7] Иванов И. Российская внешняя политика на пороге 2020 г. *РСМД*. 25.11.2019. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-vneshnyaya-politika-na-poroge-2020-g/ (accessed 02.12.2021).

Показателем изменчивости условных границ сфер международного влияния стали вопросы диверсификации путей российского газового транзита в Европу. Важным фактором трансформаций выступает и позитивное развитие интегративных процессов с участием России по линии БРИКС, ШОС, ЕАЭС, а также двустороннее партнерство России с Турцией, Ираном, рядом стран Латинской Америки. Знаковыми событиями в плане укрепления российских позиций глобального уровня стали достижения в развитии российско-африканского сотрудничества (2019) и противодействие попыткам США осуществить свержение законного правительства Венесуэлы (2018-2020).

Тенденции "пробуксовки" стратегии однополярной гегемонии, роста турбулентности в зоне развивающихся стран и перераспределения сфер международного влияния носят не линейный, а диффузный характер; преобладают шаги по установлению гибких форм многостороннего регулирования ситуации в различных зонах мирового пространства.

В целом, как полагали в период 2019-2020 гг. российские исследователи, характер предстоящих мирополитических трансформаций будет определяться не только логикой развития наблюдаемых тенденций, но и отходом великих держав от практики растущего взаимного недоверия.

МИРОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ РОССИЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Результаты осмысления актуальных международных процессов и особенностей политики великих держав представлены на нескольких направлениях российского аналитического дискурса.

Безопасность и приоритеты основных центров международного влияния

Разворот к утверждению полицентричной архитектуры взаимодействия на международной арене связан с новым качеством внешнеполитической стратегии широкого круга государств. Сформировавшаяся после окончания холодной войны многовекторность их политики подразумевала, что, во-первых, координация интересов будет проходить на основе рационального осмысления действительности, а во-вторых, с учетом лидирующего положения США в регулировании взаимодействия. Но далеко не все из этих ожиданий выдержали испытание мирополитическими реалиями.

В фокусе внимания аналитиков по-прежнему находятся вопросы военной силы и ее ударных компонентов в виде ядерных арсеналов США и России[8].

Примечателен, в частности, сравнительный анализ внешнеполитических стратегий России и США (2016-2019 гг.), в рамках которого ряд исследователей сравнивают основные сходства и различия диалога Москвы и Вашингтона в период биполярной конфронтации и на современном этапе. При этом использование термина *холодная война* для обозначения современного этапа двусторонних отношений не представляется большинству специалистов уместным ввиду изменений международной среды [Бобров 2019].

[8] Указывается, что военные расходы США достигают 1 трлн долл. (против 45 трлн долл. в РФ), из 13 международных договоров по контролю за ядерными вооружениями к настоящему времени действующим остается "СНВ-3"; количество нарушений ДРСМД с американской стороны составляет 117, а нарушений КЗХО – 19 эпизодов; в соответствии с изменениями американского законодательства в 2018 г. у президента США имеется 14 легальных правовых оснований для применения ядерного оружия в третьих странах.

Характеризуя динамику обострения противоречий позиций России и США по ключевым вопросам международных отношений как цикличную, российские специалисты полагают, что, "начиная с 2012 г. и по настоящее время они вернулись к состоянию, которое по своим качественным показателям сопоставимо с периодом биполярной конфронтации, что подтверждается отсутствием прямого военного конфликта, доминированием обеих держав в ядерной области, атмосферой взаимного недоверия, режимом санкций... тотальным характером противостояния и небольшим количеством областей двустороннего сотрудничества" [Фененко 2016].

Осмысление конфликтности в отношениях США и России позволяет заключить, что "...после распада биполярности отношения двух стран находятся в постоянном движении от ограниченного сотрудничества к первичному конфликту. Логика этого движения и его траектория определяются как культурно-психологическими, так и внутриполитическими и международными факторами" [Журавлева 2017: 5]. Одновременно специалисты отмечают, что мировая политика не исключает сосуществование нескольких концепций по управлению миром, что "может принципиально изменить российско-американские отношения" [там же: 12].

К номенклатуре вопросов мирополитического развития, роль США в которых оценивается российскими специалистами весьма негативно, следует отнести и происшедшие в период легислатуры Д. Трампа изменения подходов американской стороны к локальным вооруженным конфликтам. Действия США в Сирии и на Ближнем Востоке характеризуются как контрпродуктивные: отмечается, что США резко усилили свои военные операции в Сирии и Ираке, и не столько для борьбы с ИГИЛ[9], сколько для достижения стратегических целей, в том числе для конфронтации с Ираном [Барановский, Наумкин 2018]. В то же время военное вмешательство России в сирийский конфликт в 2015 г., которое произошло по просьбе законного главы страны, создало ряд военно-политических, оперативных и технических проблем для действий США. Хотя с 2018 г. сирийский вопрос обсуждается Россией и США на высшем уровне, этот диалог по-прежнему не принял форму реального сотрудничества, и вряд ли оно будет налажено в ближайшем будущем.

Среди тем, постоянно занимающих внимание российских аналитиков, необходимо отметить вопрос политической конкуренции России и США на пространстве СНГ, которая стала результатом продвижения американской стратегии "распространения демократии". Специалисты отмечают, что, хотя американская сторона сумела в 2000-е годы добиться ряда ощутимых успехов, в частности проведения Грузией и Украиной прозападной внешней политики, "общего сдвига постсоветских стран на антироссийскую платформу не произошло" [Torkunov, Noonan, Shakleina 2018: 170].

Значительным уровнем противостояния российским интересам отмечены подходы США к украинской проблематике[10] [Сушенцов, Силаев 2017]. "Мотивы американского активного вовлечения в разрешение политического кризиса на Украине определяются общими стратегическими задачами США

[9] Запрещенная в России террористическая организация.

[10] Барабанов О., Вайц Р. Ядерные страхи после украинского кризиса. *Россия в глобальной политике*. 14.07.2015. https://globalaffairs.ru/articles/yadernye-strahi-posle-ukrainskogo-krizisa/ (accessed 02.12.2021).

в области европейской безопасности, трансатлантического единства и выработки единой стратегии с европейскими союзниками, которая обеспечила бы противодействие реализации Россией своей политики на постсоветском пространстве" [Анашкина 2019: 55]. Тем самым "игнорируется не только реальность украинского конфликта, элементы его национальной, культурной и политической специфики, но и опасно подрываются предпосылки позитивного развития государств, которые ранее рассматривались как важные гарантии безопасности российской стороны после окончания холодной войны" [там же: 65]. Достижение российско-американского взаимопонимания в украинском вопросе, по-видимому, будет затягиваться, отмечают ученые.

Достаточно сильную озабоченность проявляли отечественные специалисты и в отношении военной политики администрации Д. Трампа в Арктике, которая оказалась отмечена не только продолжением подходов периода Б. Обамы, но и поиском новой наступательной линии для упреждения действий России и Китая [Загорский 2016], большей конкурентной активностью американской стороны на арктическом направлении[11].

Конкурентный характер российско-американских отношений наблюдается и в контексте политики международного регулирования информационного развития. Принципиальное отличие российского подхода от американского заключается в "усилении государственного контроля над индивидуальным производством и потреблением информации" [Шариков 2019: 25]. Официальные позиции России и США по информационной безопасности диаметрально противоположны практически по всем аспектам [там же: 37], что наглядно подтверждает анализ нового варианта концепции американской стратегии по осуществлению киберсдерживания [Себекин 2020].

Внимание российских специалистов все чаще фокусируется на взаимодействии Китая и США в двустороннем и региональном форматах[12] [Дикарев, Лукин 2021; Михеев, Луконин 2021]. Внимательно изучается вопрос о дифференциации партнерских связей Вашингтона и Пекина со странами АТР, каким образом США будут выстраивать свои тихоокеанские альянсы с учетом "мирного возвышения Китая". Полагая, что система американских альянсов в АТР служит фундаментом военно-политической гегемонии США в одном из важнейших сегментов мирового пространства, специалисты указывают, что она сталкивается с серьезным вызовом – меняющимся соотношением политических, военных и экономических сил между США и Китаем. "Существуют три разнонаправленные тенденции, которые характеризуют реакцию союзников и партнеров США на усиление Китая – балансирование, нейтрализация и хеджирование. При этом стратегия Вашингтона определяется преимущественно ставкой на балансирование и продолжение кооперативного участия стран-партнеров, а Пекина – на нейтрализацию американских альянсов" [Лукин, Коротич 2017: 13]. Напротив, для России развитие ситуации в АТР представляется позитивным, поскольку "выход стран Восточной Азии из-под стратегического контроля Вашингтона ослабит региональную и глобальную гегемонию США, но в то же время не приведет к абсолютному доминирова-

[11] Крамник И. Высокоширотное противостояние. *РСМД*. 20.01.2020. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vysokoshirotnoe-protivostoyanie/ (accessed 02.12.2021).

[12] Кортунов А. О мудрой обезьяне, спускающейся с горы. *РСМД*. 04.05.2020. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-mudroy-obezyane-spuskayushcheysya-s-gory/ (accessed 02.12.2021).

нию Китая в Азии, способствуя тем самым становлению полицентричного миропорядка" [там же: 13]. Другими словами, стремление ряда стран АТР к диверсификации стратегических связей позволяет России добиваться укрепления своих позиций в регионе.

Особенно сложными для оценки остаются перспективы развития конкуренции между Китаем и США, которая чрезвычайно ярко проявилась в контексте внешнеторговых разногласий 2018-2019 гг. Специалисты отмечают, что "США и КНР очевидно втягиваются не только в политический, но и в идеологический конфликт между двумя великими державами – конфликт между американским глобализмом и китайским национализмом, который вряд ли удастся урегулировать посредством переговоров" [Батюк 2019: 37]. В то же время, если американский политический класс встанет на путь одновременного противостояния типа новой холодной войны как с РФ, так и с КНР, то подобный выбор только обострит ситуацию.

Тем не менее для российских исследователей очевидной является общая тенденция эволюции американо-китайских отношений в сторону конфронтации. "Более того, подспудно идет создание в ИТР противостоящих друг другу военно-политических коалиций США и их союзников против КНР и России. Все эти действия вместе с усиливающейся гонкой вооружений в Восточной Азии и в мировом масштабе могут привести к непредсказуемым последствиям" [Райков 2019: 29]. Другими словами, ситуация интенсивной конкуренции США и КНР в Азии в обозримом будущем не только продолжится, но и периодически будет осложняться противоречиями по различным частным, например из области технологий[13], и более общим вопросам.

Анализируя конкурентные отношения США и Китая, ученые отмечают и "фоновые" информационные аспекты, которые утвердились в американском экспертном дискурсе. Одной из активно обсуждаемых тем стала вероятность появления противоречий в российско-китайском сотрудничестве, в ходе гипотетической переориентации китайского внимания с азиатского на центральноазиатское пространство; впрочем, широкого развития в научных публикациях российских международников этот вопрос не получил.

Заметное расширение представлений о конкуренции великих держав вносит обращение российских специалистов к изучению отношений США и их западноевропейских союзников, которые отмечены растущими расхождениями в иранском, китайском и ряде других вопросов международной повестки дня. Согласование стратегии США и Европы в отношении Китая, по мнению зарубежных аналитиков, на которое ссылаются российские специалисты, является важным ресурсом влияния Запада на трансформацию миропорядка [Приходько 2019]. Однако возможности для американо-европейской координации в течение ряда лет уменьшались, и США придется выделять все больше политических ресурсов для решения этой проблемы, особенно в том, что касается ведения согласованной политики Великобританией и Францией. Типичным для характеристики ситуации в европейском регионе является также мнение, что следует признать "китайский успех в борьбе за Европу" [Кашин, Зайцев 2021: 83].

Изучая отношения великих держав, необходимо обратить внимание на особенности взглядов отечественных авторов относительно баланса интересов

[13] Матвеенков К. На грани развода. Куда приведет технологическая война между Китаем и США? *РСМД*. 25.06.2020. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tekhnologicheskaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-ssha/ (accessed 02.12.2021).

России и Китая как части “большого треугольника”, формирующегося в процессах взаимодействия на мировой арене по линии США, Китая и России. Эти взгляды были достаточно широко представлены в середине прошлого десятилетия, тогда как современные оценки достаточно сдержанны и стремятся отразить как объективные преимущества, так и вызовы, которые возникают для России, в частности в связи с инициативой “Один пояс – один путь” [Пыжиков, Гущин 2021]. В экспертной среде преобладает понимание отношений России и Китая как “отношений великих держав нового типа”, определяющей для которых является ориентация на долгосрочное сотрудничество на всех главных направлениях мирового развития[14]. Конструктивный диалог, подкрепляющий это сотрудничество, позволяет нейтрализовать недружественные попытки ряда американских политиков добиться дистанцирования китайской стороны от российских партнеров в обмен на ослабление ограничений во внешней торговле, обсуждение проблем Южно-Китайского моря или даже Тайваня.

Исходя из оценок российских специалистов, внешнеполитические приоритеты великих держав формируют активную конкурентную среду на глобальном и региональном уровнях международной системы, причем именно региональный уровень играет все более значимую роль в определении характера взаимодействия, конфигурации разделительных линий между сферами преимущественных интересов. Учитывая многообразие региональных процессов, великие державы, по-видимому, уже в ближайшем будущем будут вынуждены существенно пересмотреть свои приоритеты – иначе они не смогут обеспечить эффективные гарантии международной безопасности и тем самым подтвердить свой статус в мировом сообществе. Вместе с тем, оценивая эволюцию отечественного дискурса последних лет, важно отметить, что его общая тональность становится более тревожной, повышается внимание к проблематике холодной войны в сочетании со все более развернутой критикой глобальных последствий, вероятных как при возникновении жесткого противостояния США – Россия, так и в формате США – Китай[15] [Истомин 2021; Караганов 2021; Куприянов 2021; Лукьянов 2021; Михеев, Луконин 2021].

Военные аспекты политики основных центров международного влияния

По мере роста напряженности в отношениях России и западных держав особую значимость приобрели публикации российских исследователей, освещающие военно-политическую проблематику взаимодействия России и США. Еще три-четыре года назад ученые “стремились акцентировать потенциальные угрозы разрушения системы контроля над ядерными вооружениями для безопасности ведущих ядерных держав” [Подберезкин и др.

[14] Кортунов А. Россия – Китай: что такое “отношения великих держав нового типа”? *РСМД*. 04.07.2021. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-kitay-chto-takoe-otnosheniya-velikikh-derzhav/ (accessed 02.12.2021).

[15] Чжао Хуашэн, Кортунов А. Новая биполярность и последствия ее становления: взгляды Китая и России. *РСМД*. 07.12.2020. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-bipolyarnost-i-posledstviya-ee-stanovleniya-vzglyady-kitaya-i-rossii/ (accessed 02.12.2021); Кашин В., Тимофеев И. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? *РСМД*. 10.06.2021. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikano-kitayskie-otnosheniya-k-novoy-kholodnoy-voyne/ (accessed 02.12.2021); Громыко А. Об иллюзиях новой биполярности. *РСМД*. 05.05.2020. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-illyuziyakh-novoy-bipolyarnosti/ (accessed 02.12.2021).

2018]. Тем не менее угрозы описывались в значительной степени как гипотетические условия "политического торга", с которым американская сторона обращается к своим российским партнерам. В частности, рассматривалась озвученная в американских экспертных кругах ставка на ядерный обезоруживающий удар по РФ [Калядин 2017].

Если ядерный обезоруживающий удар по РФ со стороны другой великой державы все же остается в области гипотетических военных стратегий, вполне материальными являются претензии США на доминирование в космической области, причем с упором на военную силу [Козин 2019]. Что касается Москвы, которую Вашингтон постоянно обвиняет в стремлении "к доминированию в космосе", то ее позиция в этом вопросе принципиально отличается: "Российская Федерация является единственной страной, которая в своей Военной доктрине однозначно подтвердила приверженность установлению под эгидой ООН режима безопасности космических операций"[16].

Перспектива обращения великих держав к новым форматам ядерного сдерживания, но уже в отсутствие контроля над вооружениями, стала вполне реальной после решения США о денонсации ДРСМД (2019), затягивания решения о продлении СНВ-3 (в начале февраля 2021 г. Россия и США продлили действие ДСНВ на пятилетний срок). Российские специалисты высказывали опасения, что великие державы стоят на пороге масштабной гонки ядерных вооружений, обострения соперничества в области наступательных и оборонительных стратегических систем, а также космического оружия и средств ведения кибервойн.

В конце второго десятилетия XXI в. Россия и Запад оказались в ситуации беспрецедентного, даже по сравнению с периодом холодной войны, обострения конкуренции, что влечет опасность снижения порога применения ядерного оружия, вовлечения в гонку ядерных вооружений пока еще неявных участников. Поэтому "решающим образом будущее контроля над ядерным оружием и его нераспространением в полицентричном мире зависит от позиций политического и военного руководства России и США, включая возможность привлечения к процессу разоружения третьих ядерных государств.... Все решают государственные руководители в Москве и Вашингтоне, а с точки зрения конституционных полномочий – два человека... Даже если они будут консультироваться с некоторыми подчиненными, их решения никто не вправе оспорить, причем такое решение, вероятно, придется принимать за считанные минуты..." [Арбатов 2019: 32-33]. Аналогичная позиция выражается и в других российских публикациях [Подберезкин и др. 2018; Сушенцов и др. 2019].

Военные аспекты конкуренции основных центров международного влияния, в понимании российских аналитиков, диверсифицированы. Как и в биполярный период, они фокусируются на проблематике ядерных вооружений, включают совершенствование стратегических и тактических средств доставки, учитывают вызовы использования новейших технических достижений в наступательных целях. Характерным является также акцент на преодоление американо-российских расхождений в оценке последствий новой гонки ядерных вооружений между главными обладателями ОМУ. Согласно их подходам, интересы международной безопасности решающим образом определяются согласованными позициями двух великих держав, их отказом от эскалации

[16] Рябков: односторонние действия могут нанести ущерб безопасности в космосе. *РИА Новости*. 11.09.2018. https://ria.ru/20180911/1528277543.html (accessed 02.12.2021).

политики с позиции военной силы в ее наиболее разрушительных форматах. Перспективы такого рода на настоящий момент видятся относительно более позитивными, чем это было в конце легислатуры республиканской администрации Д. Трампа, но сторонам предстоит напряженная работа по согласованию формулировок ряда разделов СНВ-3, необходимых для подтверждения будущего договора [Арбатов 2021].

Диалектика формирования нового мирового порядка

Конкуренция великих держав в различных областях, форматах и географических измерениях поставила вопрос о принципиальной характеристике состояния международных отношений, определении степени завершенности их постбиполярной трансформации или, напротив, – ее динамичного продолжения[17] [Барановский 2019; Караганов, Суслов 2019].

В соответствии со взглядами значительного числа российских специалистов, в настоящее время наблюдается крах либерального миропорядка и полное преодоление момента однополярной гегемонии, перехода к "нормализации международных отношений" [Энтин, Энтина 2017: 5].

Сбалансированное понимание складывающегося миропорядка отражено во взглядах российских ученых на процессы изменений как на альтернативу качественному скачку в ходе постбиполярной трансформации. Рядом авторитетных специалистов выражается несогласие с тезисом о кризисе современного миропорядка, поскольку вызовы, аналогичные возникающим в последние годы, имели место и раньше, и далеко не все из них создают опасные новые напряженности. Хотя и ожидается, что "борьба за место в иерархии полицентричного миропорядка будет идти по возрастающей... Но в отношении международной институциональной структуры реалистическая перспектива – не ее радикальная трансформация, а упрочение существующих механизмов (хотя и с возможными корректировками)" [Барановский 2019]. Для прогнозирования будущего развития в фокусе аналитического внимания рекомендуется иметь три ключевых характеристики трансформирующегося миропорядка: его устойчивость, эффективность и зрелость. Эти качества существенным образом зависят от умения ведущих участников минимизировать те проблемы, которые разрешить не удается, воздерживаться от панических настроений и ориентироваться на поиск путей позитивного сотрудничества в интересах поддержания международной стабильности [там же: 7-8].

Осмысление фундаментальных трендов становления нового мирового порядка отражено и в разработках значительного числа российских авторов, которые сосредоточивают внимание на оценках актуальных и, де-факто, среднесрочных изменений на международной арене[18] [Международные

[17] Сушенцов А. О возможностях и угрозах 2019 года в мировой политике. *Евразийские стратегии*. 11.01.2019. http://eurasian-strategies.ru/media/insights/andrej-sushencov-o-vozmozhnostjah-i-ugrozah-2019-goda-v-mirovoj-politike/ (accessed 02.12.2021); Кортунов А. Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка. *РСМД*. 05.04.2019. https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/mezhdu-politsentrizmom-i-bipolyarnostyu-o-rossiyskikh-narrativakh-evolyutsii-miroporyadka/ (accessed 02.12.2021); Кортунов А. Пять факторов, которые делают Россию такой влиятельной, и что ей мешает. *РСМД*. 31.10.2019. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pyat-faktorov-kotorye-delayut-rossiyu-takoy-vliyatelnoy-i-chto-ey-meshaet/ (accessed 02.12.2021).

[18] Иванов И. В поисках нового мира. *Российская газета*. 21.01.2020. https://rg.ru/2020/01/20/igor-ivanov-v-riadah-soiuznikov-ssha-narastaet-brozhenie-i-nedovolstvo.html (accessed 02.12.2021).

угрозы... 2019; Дынкин, Барановский 2019; Мизин 2020; Караганов 2021]. Они строятся на сочетании подходов реалистской и либеральной парадигм, что позволяет очерчивать не только круг интересов, которые определяют конкуренцию великих держав, но и область разумных компромиссов, необходимых для ослабления международной напряженности. Эти подходы ставят на повестку дня разработку новых универсальных оценок состояния мировой системы и выдвижения прагматических предложений для регулирования текущего взаимодействия великих держав. Здесь особо примечателен тезис, сформулированный министром иностранных дел России С.В. Лавровым в выступлении на XXVIII Ассамблее СВОП в декабре 2020 г.: "России нужно не встраиваться, а строить самостоятельно"[19].

Заключение

Российский исследовательский дискурс отражает нарастание конфликтного потенциала современной международной среды, реагирует на вызовы переформатирования постбиполярной мировой политики в связи с усилением конкуренции великих держав. Но в основной массе научных разработок не присутствуют заключения апокалиптического толка и преобладают суждения об отсутствии непреодолимых противоречий стратегических интересов ведущих членов мирового сообщества. Другими словами, общим знаменателем настроений российских специалистов, в том числе участвующих в подготовке принятия решений, является не приверженность традиционному реализму, а заинтересованность в кооперативном поведении на международной арене.

В целом же российский дискурс по профильной проблематике со всей очевидностью демонстрирует стремление российской стороны к поиску взаимоприемлемых решений в отношениях с оппонентами. Однако решений с четким обозначением границ российских национальных интересов, которые не могут быть забыты в ходе любого переговорного процесса и которые в своей совокупности соответствуют пониманию сути государственного суверенитета.

Особую значимость в этом контексте приобрели публикации таких научных институтов, как ИМЭМО РАН и ИМИ МГИМО МИД России, которые ориентированы на установление системных взаимосвязей мирового развития под влиянием элементов конкуренции и сотрудничества великих держав.

Основной спектр академических публикаций содержит чрезвычайно корректные оценки противоречий между великими державами, авторы избегают крайностей алармизма в характеристике российско-американских отношений и состояния международной среды. Вместе с тем российский дискурс далеко не однороден: имеет место взаимная критика представителей либерального и консервативного крыла научной элиты, некоторая размытость представлений о временны*х* параметрах мирополитических вызовов и рисков, с различной степенью жесткости определяется номенклатура позитивных и негативных явлений в мировой политике.

Как демонстрируют взгляды российских исследователей, конкуренция великих держав совмещает качества регулятора, детонатора и *perpetum mobile* мирового развития. Значительное обострение этой конкуренции по сравнению с началом постбиполярного периода вызывает все большую озабоченность.

[19] Лавров С. России нужно не встраиваться, а строить самостоятельно. *Россия в глобальной политике*. 10.12.2020. https://globalaffairs.ru/articles/ne-vstraivatsya-a-stroit-svop/ (accessed 02.12.2021).

Но факторы взаимной заинтересованности в сотрудничестве объективно преобладают над конфронтационными вызовами и, по оценкам российских исследователей, современная конкуренция великих держав не является предверием глобального военного конфликта.

DOI: 10.17976/jpps/2022.01.12

GREAT POWERS' COMPETITION IN THE 21ST CENTURY: RUSSIAN APPROACHES AND RUSSIAN DISCOURSE

K.P. Borishpolets[1]

[1] *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

BORISHPOLETS, Ksenia Petrovna, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Department of World Politics; Leading Research Associate, Centre for Post-Soviet Studies, Institute for International Studies, MGIMO University, email: kpmgimo@gmail.com

Borishpolets K.P. (2022). Great powers' competition in the 21st century: Russian approaches and Russian discourse. *Polis. Political Studies*, 1, 150-165. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.12

Acknowledgments. The article was supported by a grant from the International Studies Institute at MGIMO University, (Project No. 1921-01-07) as part of the "Analysis and Forecasting the Evolution of International Relations in the Context of a Changing Technology" project.

Received: 10.11.2020. Accepted: 28.07.2021

Abstract. The growing uncertainty about global political trends increases the relevance of the study of the current interaction of great powers as a competition for influence in international relations. It is defined by turbulence of post Cold War world, decrease in capabilities of wide consent of world's future configuration and growing cases of military power demonstration, including by permanent members of the UN Security Council. The author takes as conceptual premise that competition of great powers is more about problematics of international relations than about strategic studies, and that it develops under the conditions of transition state of international environment, when special role of the great powers is often treated as anachronism. Methodology of the study is based on analysis and synthesis of Russian foreign policy discourse, comparative approach and elements of system approach have been applied, that are used for the evaluation of assumptions of leading Russian researches about competitive and cooperation types foreign policy strategies of leading world powers. Several authors's conclusions in relation to understanding by Russian side of priorities of great powers in the sphere of global security, conflict settlement, policy towards CIS and Arctic region, perspectives of cooperation between USA and China in bilateral and regional formats are made on the grounds of official documents and academic publications. The article pays considerable attention to the views of Russian specialists on contradictions in world order regulation after 2020. The question that the author seeks to answer is: does Russian scientific elite estimates challenge of great powers as threshold of global military conflict or assumes that factors of mutual concernment in cooperation predominate over confrontational challenges.

Keywords: global politics, great powers, international cooperation, international competition, world order.

References

Bisley, N. (2008). Great powers and the international system: between unilateralism and multilateralism. In C.A. Snyder. (Ed.), *Contemporary security and strategy* (pp. 210-222). New York: Palgrave Macmillan.

Boulding, K.E. (1963). Conflict and defense: a general theory. New York: Harper.

Coser, L. (1956). The functions of social conflict. Glencoe: The Free Press.

Dahrendorf, R. (1959). Class and class conflict in industrial society. Stanford: Stanford University Press.

Snyder, C. (2008). Contemporary Security and Strategy. A. Craig (Ed.). Palgrave Macmillan.

Torkunov, A., Noonan, N.C. & Shakleina, T. (Ed.) (2018). Russia and the United States in the evolving world order. Moscow: MGIMO University.

Anashkina, E.B. (2019). Ukraine in the foreign policy interests of the United States. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, 5, 55-67. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S032120680004911-6.

Arbatov A. (2019). Facing race with no rules? (Nuclear deterrence without arms control). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 63(5), 24-35. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-24-35

Arbatov, A. (2021). Problems and dilemmas of the next start treaty. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(6), 5-20. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-6-5-20

Baluev, D. (2014). Economic sanctions as a foreign policy tool. *International Trends*, 12(3), 23-33. (In Russ.)

Barabanov, O. (2014). Global shifts as reflected in Valdai expert debates in Sochi. *International Trends*, 12(3), 6-7. (In Russ.)

Baranovsky, V. (2019). New international order: overcoming or transforming the existing pattern? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 63(5), 7-23. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23

Baranovsky, V., & Naumkin, V. (2018). The Middle East in the changing global context: the key trends of centennial development. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 62(3), 5-19. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19

Batiuk, V.I. (2019). U.S.-Chinese relations: is Cold War coming back? *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, 49(5), 22-38. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S032120680004909-3

Bobrov A. (2019). A Comparative analysis of foreign policy strategies of Russia and the USA (2016 - 2019) amid discussions on a new Cold War. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, 9, 37-52. https://doi.org/10.31857/S032120680006296-9

Bogdanov, A. (2014). American hegemony and systemic stability. *International Trends*, 12(3), 8-22. (In Russ.)

Dikarev, A., & Lukin A. (2021). The PRC's Approach Towards the South China Sea territorial dispute and Russia's foreign policy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(2), 5-15. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-5-15

Dynkin, A.A., & Baranovsky, V.G. (2019). *Rossiya i mir: 2024. Ekonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyi prognoz* [Russia and the world: 2024. Economy and foreign policy]. Moscow: IMEMO. (In Russ.)

Entin, M., & Entina, E. (2017). From liberal world order to normalization of international relations. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61(12), 5-17. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-12-5-17

Fenenko, A. (2016). Worse than the Cold War. *Russia in Global Politics,* 14(2), 142-160. (In Russ.)

Istomin, I. (2021). Back to the bipolar future? *Russia in Global Politics*, 19(4), 50-61. (In Russ.)

Istomin, I.A., Silaev, N.Yu., & Sushentsov, A.A. (Ed.) (2021). *Strategii soyuznichestva v sovremennom mire: voenno-diplomaticheskii instrumentarii mezhdunarodno-politicheskoi konkurentsii* [Strategies of alliance in the modern world: military and diplomatic tools of international political competition]. Moscow: MGIMO University. (In Russ.)

Karaganov, S. (2021). About the Third Cold War. *Russia in Global Politics,* 19(4), 21-34. (In Russ.)

Karaganov, S., & Suslov, D. (2019). *Novoe ponimanie i puti ukrepleniya mnogostoronnei strategicheskoi stabil'nosti* [A new understanding and ways to strengthen multilateral strategic stability]. Moscow: NRU HSE. (In Russ.)

Kashin, V., & Zaytsev A. (2021). Chinese success in the fight for Europe. *Russia in Global Politics,* 19(3), 83-88. (In Russ.).

Khudoley, K. (2020). Russia and the West: Second Cold War or First Cool War? *Russia in Global Politics,* 18(6), 10-22. (In Russ.)

Kozin, V.P. (2019). Space policy of the USA: a claim for domination. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, 1, 24-43. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S032120680003604-8

Kupriyanov, A. (2021). Cold War as a special type of conflict. *Russia in Global Politics,* 19(4), 35-49. (In Russ.) https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-35-49

Lukin, A., & Korotich, S. (2017). The Asia-Pacific alliances of the United States: between balancing, neutralization and hedging. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61(4), 5-15. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15

Lukyanov, F. (2019). The World and its parts. *Russia in Global Politics,* 17(2), 5-6. (In Russ.)

Lukyanov, F. (2021). Cold War concentrate. *Russia in Global Politics,* 19(4), 5-6. (In Russ.)

Mikheev, V., & Lukonin S. (2021). Second century of the Communist party of China and new bipolarity. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(7), 25-33. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33

Mizin, V. (2020). Outlines of strategic stability in global multipolar competition. *International Trends*, 18(2), 141-168. (In Russ.) https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.2.61.8

Okhotsky, E. (2016). Russia and the West: withstanding the sanctions. *International Trends*, 2(45), 202-213. (In Russ.) https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.2.45/15

Podberezkin, A., Aleksandrov M., & Rodionov O. (2018). *Mir v XXI veke: prognoz razvitiya mezhdunarodnoi obstanovki po stranam i regionam: monografiya* [The World in the twenty-first century: forecasting the international situation by country and region]. Moscow: MGIMO University. (In Russ.)

Prikhodko, O. (2019). The United States – Europe: the Chinese variable and limits of Transatlantic solidarity. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, 4, 5-30. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S032120680004355-4

Pyzhikov, N., & Gushchinm E. (2021). Belt and Road initiative: interim results and challenges during pandemic. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(3), 42-51. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-3-42-51

Raikov, Yu. (2019). American – Chinese relations: turn to confrontation. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, 49(11), 20-34. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S032120680007284-6

Sebekin, S. (2020). Choosing between persistent engagement and deterrence in the American cybersecurity strategy. *International Trends*, 18(3), 96-125. (In Russ.) https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.3.62.3

Shakleina, T.A. (2017). *Rossiya i SShA v mirovoi politike* [Russia and the U.S. in the World Politics]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Sharikov, P. (2019). Russia and the United States in Information Era. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, 2, 25-37. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S032120680003763-3

Sushentsov, A.A. (Ed). (2019). *Mezhdunarodnye ugrozy 2020: Kazhdyi – za sebya: doklad* [International threats 2020: everyone for themselves: report]. Moscow: MGIMO University. (In Russ.)

Sushentsov, A., & Silaev, N. (2017). Russia's Allies and the Geopolitical Frontier in Eurasia. *Russia in Global Politics,* 15(3), 146-160. (In Russ.)

Sushentsov, A., Silaev, N., Bezrukov, A., Baikov, A., Rebro, O., & Bolshakov, A. (2019). *Prognoz "Mezhdunarodnye ugrozy 2019. Geopoliticheskoe uskorenie"* [Forecast "International threats 2019. Geopolitical acceleration"]. Moscow: MGIMO University. (In Russ.) http://eurasian-strategies.ru/media/insights/prognoz-mezhdunarodnye-ugrozy-2019/

Zagorskii, A. (2016). International cooperation in the Arctic. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 60(7), 104-112. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-7-104-112

Zhuravleva, V. (2017). Russia and the USA: reflecting on the conflict. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61(5), 5-13. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-5-5-13

Литература на русском языке

Анашкина Е.Б. 2019. Украина во внешнеполитических интересах США. *США и Канада: экономика, политика, культура*. № 5. С. 55-67. https://doi.org/10.31857/S032120680004911-6

Арбатов А. 2019. Грядет ли гонка без правил? (Ядерное сдерживание в отсутствие контроля над вооружениями). *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 5. С. 24-35. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-24-35

Арбатов А. 2021. Проблемы и дилеммы следующего договора СНВ. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 5. С. 5-20. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-6-5-20

Балуев Д. 2014. Эволюция экономических санкций как инструмента внешней политики. *Международные процессы*. Т. 12. № 3. С. 23-33.

Барабанов О. 2014. Глобальные трансформации в отражении экспертных дискуссий на "Сочинском" Валдае". *Международные процессы*. Т. 12. № 3. С. 6-7.

Барановский В. 2019. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? *Мировая экономика и международные отношения*. № 5. С. 7-23. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23

Барановский В., Наумкин В. 2018. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. №. 3. С. 5-19. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19

Батюк В.И. 2019. Американо-китайские отношения: возвращение холодной войны? *США и Канада: экономика, политика, культура*. № 5. С. 22-38. https://doi.org/10.31857/S032120680004909-3

Бобров А.К. 2019. Сравнительный анализ внешнеполитических стратегий России и США (2016-2019 гг.) в контексте дискуссий о "новой холодной войне". *США и Канада: экономика, политика, культура*. № 9. С. 37-52. https://doi.org/10.31857/S032120680006296-9

Богданов А. 2014. Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке. *Международные процессы*. Т.12. № 3. С. 8-22.

Дикарев А., Лукин А. 2021. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море и внешняя политика России. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 2. С. 5-15. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-5-15

Дынкин А., Барановский В. 2019. Россия и мир: 2024. *Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз*. М.: ИМЭМО РАН.

Журавлева В. 2017. Россия и США: размышляя над конфликтом. *Мировая экономика и международные отношения*. № 5. С. 5-13. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-5-5-13

Загорский А. 2016. Международное сотрудничество в Арктике. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 7. С. 104-112. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-7-104-112

Истомин И. 2021. Назад в биполярное будущее? *Россия в глобальной политике*. Т. 19. № 4. С. 50-61.

Караганов С. 2021. О третьей холодной войне. *Россия в глобальной политике*. Т. 19. № 4. С. 21-34.

Караганов С., Суслов Д. 2019. *Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности*. М.: НИУ ВШЭ.

Кашин В., Зайцев А. 2021. Китайский успех в борьбе за Европу. *Россия в глобальной политике*. Т. 19. № 3. С. 83-88.

Козин В.П. 2019. Космическая политика США: претензия на доминирование с упором на силу. *США и Канада: экономика, политика, культура*. № 1. С. 24-43. https://doi.org/10.31857/S032120680003604-8

Куприянов А. 2021. Холодная война как особый тип конфликта. *Россия в глобальной политике*. Т. 19. № 4. С. 35-49. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-35-49

Лукин А., Коротич С. 2017. Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 4. С. 5-15. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15

Лукьянов Ф. 2019. Мир и его части. *Россия в глобальной политике*. Т. 17. № 2. С. 5-6.

Лукьянов Ф. 2021. Концентрат холодной войны. *Россия в глобальной политике*. Т. 19. № 4. С. 5-6.

Международные угрозы 2020: Каждый – за себя: доклад. Под ред. А.А. Сушенцова. 2019. М.: МГИМО МИД России.

Мизин В. 2020. Новые контуры стратегической стабильности в глобальной многополярной конкуренции. *Международные процессы*. Т. 18. № 2. С. 141-168. https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.2.61.8

Михеев В., Луконин С. 2021. Второе столетие Коммунистической партии Китая и новая биполярность. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 7. С. 25-33. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33

Охотский Е. 2016. Россия и Запад: контрсанкционное реагирование. *Международные процессы*. Т. 14. № 2. С. 202-213. https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.2.45/15

Подберезкин А., Александров М., Родионов О. 2018. *Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам*. М.: МГИМО-Университет.

Приходько О.В. 2019. США – Европа: китайский фактор и пределы трансатлантической солидарности. *США и Канада: экономика, политика, культура*. № 4. С. 5-30. https://doi.org/10.31857/S032120680004355-4

Пыжиков Н., Гущин Е. 2021. Инициатива “Пояса и Пути”: промежуточные итоги и вызовы в условиях пандемии. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 3. С. 42-51. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-3-42-51

Райков Ю.А. 2019. Американо-китайские отношения: поворот к конфронтации. *США и Канада: экономика, политика, культура*. Т. 49. № 11. С. 20-34. https://doi.org/10.31857/S032120680007284-6

Себекин С. 2020. Постоянная вовлеченность в киберпространстве: новая стратегия США и ее соотношение с концепцией киберсдерживания. *Международные процессы*. Т. 18. № 3. С. 96-125. https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.3.62.3

Стратегии союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментарий международно-политической конкуренции. 2021. Под ред. И.А. Истомина, Н.Ю. Силаева, А.А. Сушенцова. М.: МГИМО МИД России.

Сушенцов А., Силаев Н. 2017. Союзники России и геополитический фронтир в Евразии. *Россия в глобальной политике*. Т. 15. № 3. С. 146-160.

Сушенцов А., Силаев Н., Безруков А., Байков А., Ребро О., Большаков А. 2019. Прогноз “Международные угрозы 2019. Геополитическое ускорение”. М.: МГИМО МИД России. http://eurasian-strategies.ru/media/insights/prognoz-mezhdunarodnye-ugrozy-2019/

Фененко А. 2016. Хуже, чем в холодную войну. *Россия в глобальной политике*. Т. 14. № 2. С. 142-160.

Худолей К. 2020. Россия и Запад: вторая “холодная” или первая “прохладная”. *Россия в глобальной политике*. Т. 18. № 6. С. 10-22.

Шаклеина Т.А. 2017. *Россия и США в мировой политике*. М.: Аспект Пресс.

Шариков П. 2019. Россия и США в информационную эпоху. *США и Канада: экономика, политика, культура*. № 2. С. 25-37. https://doi.org/10.31857/S032120680003763-3

Энтин М., Энтина Е. 2017. От мирового либерального порядка к нормализации международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения*. № 12. С. 5-17. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-12-5-17